

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Джон Сирлз

Экзорцисты

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
С40

John Searles

HELP FOR THE HAUNTED

Copyright © 2013 by John Searles. All rights reserved

Оформление серии А. Саукова

Фотоколлаж на суперобложке и переплете
В. Коробейникова

Сирлз, Джон.

С40 Экзорцисты / Джон Сирлз ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-88811-5

У супружеской четы Мейсонов необычная профессия: они экзорцисты. Ни сана, ни глубоких познаний в теологии у них нет, зато есть редкий дар, помогающий понять, что преследует людей, обратившихся к ним за помощью, и как избавить их от одержимости. Мейсоны стали жертвой убийцы — по версии следствия, это сделал один из клиентов, религиозный фанатик, за то, что супруги не смогли помочь его ребенку. Сиротами остались две дочери — четырнадцатилетняя Сильви и недавно закончившая школу Роуз. Но с гибелью родителей беды только начались. Все темные секреты семейства Мейсонов, все скелеты в шкафах разом обрушились на сестер. Теперь жизнь Сильви зависит от того, как быстро она сможет узнать: кто и почему на самом деле убил ее родителей? И какой демон преследовал их семью все эти годы?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольдич В.А., Оганесова И.А.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88811-5

*Посвящается
Майе, Кристиану и Шэннону,
с любовью*

ЧЕГО ТЫ БОИШЬСЯ?

Всякий раз, когда ночью звонил телефон, я лежала в своей кровати и прислушивалась.

Мама брала трубку после первого звонка, чтобы не проснулась я или моя сестра, если та была дома. Она шепотом пыталась успокоить звонившего, а потом передавала трубку отцу. Его голос звучал строже и более формально, когда он договаривался о месте встречи или объяснял, как найти наш немало повидавший на своем веку и покосившийся дом, выстроенный в стиле Тюдоров¹, в переулке, упиравшемся в тупик, в крошечном городке Дандалк, в штате Мэриленд. Иногда человек, с которым он разговаривал, находился в будке телефона-автомата в Балтиморе. Я знала, что священник нацарапал наш номер на обрывке бумажки и отдал ее тому, кто звонил. Или этот человек нашел его, просматривая потрепанный телефонный справочник, поскольку мы там значились как любая обычная семья, несмотря на то что назвать нас обычными можно было в самую последнюю очередь.

Почти сразу после того, как отец заканчивал разговор и возвращал трубку на место, я слышала, как они одева-

---

¹ Стиль поздней английской готики XV—XVII вв. Коттеджи в этом стиле строят обычно с элементами фахверка и кладки из красного кирпича. (*Здесь и далее прим. ред.*)

ются. Мои родители ходили на героев телевизионного шоу, чьи костюмы никогда не меняются. Мама — высокая, худая и невероятно бледная — носила бесформенное серое платье с жемчужными пуговицами всякий раз, когда выходила на люди. Темные волосы с седыми прядями она всегда собирала в пучок. В ушах и на шее сверкали крошечные распятия. Отец предпочитал костюмы мрачного коричневого цвета, и крестик прятался среди волос на груди под желтой, застегнутой до самого верха рубашкой. Свои черные волосы он зачесывал назад, так что, когда вы на него смотрели, первыми бросались в глаза очки в проволочной оправе с мутными стеклами.

Одевшись, они проходили мимо моей двери и спускались по лестнице на кухню с оборванными голубыми обоями, где пили чай и ждали, когда на нашей подъездной дорожке вспыхнет свет фар, на мгновение озарив мой потолок. Потом я слышала приглушенные голоса, разобрать слова было невозможно, хотя я примерно представляла, что они обсуждают. В конце концов до меня доносился звук шагов, когда родители вели гостя или гостей в подвал, и внизу воцарялась тишина.

Так все было до снежной февральской ночи 1989 года.

В тот вечер, когда после полуночи зазвонил телефон, я открыла глаза и, как всегда, стала слушать. Никогда, ни единого раза я не утверждала, что испытываю те же «ощущения», что моя мать, но тогда внутри у меня все сжалось и я почувствовала, что этот звонок отличается от предыдущих.

— Она, — сказала мама отцу вместо того, чтобы передать ему трубку.

— Благодарение Богу. С ней все в порядке?

— Да. Но она сказала, что не вернется.

Моя сестра Роуз, несмотря на то что ее звали так же, как нашу мать, не обладала ее мягким нравом и уже три дня не ночевала дома. На сей раз скандал с громкими криками, битьем посуды и хлопаньем дверей разразился из-за ее волос, точнее, их отсутствия, потому что она

снова их обрила. Или из-за молодого человека, с которым Роуз встречалась после возвращения из школы Святой Иулии и который не нравился родителям — по крайней мере, так я поняла из подслушанных обрывков разговоров.

Я лежала, слушала, как мама работает переводчицей между сестрой и отцом, и смотрела на учебники на письменном столе. Экзамен по английскому оказался таким же простым, как в шестом и седьмом классе, и я с нетерпением ждала осени и поступления в среднюю школу Дандалка. На полке над столом стояли пони, вырезанные вручную из красного дерева. В сиянии ночника их длинные морды с раздувающимися ноздрями и оскаленными зубами казались живыми.

— Она сказала, что, если мы хотим поговорить, — услышала я голос матери, — можем встретиться в церкви в городе.

— В городской церкви? — Чем больше отец волновался, тем громче и глубже становился его голос. — А ничего, что на улице жуткий снегопад? Она не смотрит в окно?

Через несколько мгновений мама вошла ко мне в комнату, наклонилась над кроватью и тихонько потрясла меня за плечо.

— Просыпайся, милая. Мы едем на встречу с твоей сестрой и не хотим оставлять тебя дома одну.

Я медленно открыла глаза и, хотя прекрасно знала, все равно спросила сонным голосом, что происходит. Мне нравилось изображать из себя ту дочь, которую хотели видеть мои родители.

— Можешь не снимать пижаму, — шепотом сказала мама, — но на улице холодно, так что надень пальто. А еще сапоги, и не забудь перчатки.

Вокруг бушевал снегопад, а мы, держась за руки, точно куклы, вырезанные из бумаги, шли к нашему маленькому «Датсуну». Отец крепко сжимал руль, когда мы проезжали мимо таблички с надписью «Посторонним

вход воспрещен! Нарушители будут отвечать перед законом», прибитой к кривым березам, растущим в нашем дворе. Мы выбрались на засыпанное снегом шоссе, и мама тихонько запела колыбельную, которую я слышала во время нашей поездки во Флориду несколько лет назад. Мелодия начала набирать силу, когда мы свернули на парковку перед церковью. Наши фары высветили простое белое строение, бетонную лестницу, красную деревянную дверь и пустые ящики, где весной зацветут нарциссы и тюльпаны, а еще шпиль с маленьким золотым крестом.

— Ты уверена, что она имела в виду *эту* церковь? — спросил отец.

За витражными окнами невозможно было разглядеть, что внутри, но он задал свой вопрос не только по этой причине. Маленькая церквушка не могла вместить всех прихожан города, и потому службы проводили в другом конце города в спортивном зале католической начальной школы Святого Варфоломея. Каждое воскресенье баскетбольные кольца и волейбольные сетки убирали в кладовку, и их место занимал алтарь. Стены завешивали бархатными панно с изображением Крестного пути, а на деревянном полу, расчерченном отметками баз, расставляли складные стулья и скамейки. Так что на самом деле мы редко бывали в *настоящей* церкви, поскольку там главным образом проходили свадьбы и отпевания, а по вторникам собиралась группа, возносившая вечернюю молитву. Мои родители раньше ее посещали, но уже давно перестали.

— Кто-то должен был ее сюда привезти, — ответила мама. — По крайней мере, она мне так сказала.

Отец включил дальний свет и прищурился.

— Пожалуй, я пойду один.

— Думаю, это не самая лучшая идея. Учитывая ваши отношения...

— Именно по этой причине я должен пойти один. Пора положить конец ее глупостям. Раз и навсегда.

Если у мамы и возникли ее «ощущения» касательно того, что произойдет, она ничего не сказала отцу, просто позволила ему отстегнуть ремень безопасности и выйти из машины. Мы смотрели, как он идет по парковке и поднимается по лестнице к красной двери. Он оставил двигатель включенным, и печка работала, но дворники отец выключил, и довольно скоро ветровое стекло залепил снег.

Мама протянула руку, включила дворники, и они прошли по стеклу. Было очень похоже на настройку антенны старого телевизора — неожиданно помехи пропали и появилась четкая картинка. Мама предложила мне лечь на заднем сиденье и поспать, поскольку не было никакого смысла бодрствовать всем. И я во второй раз за ночь изобразила дочь, какую она желала видеть: легла на жесткое виниловое сиденье, застеленное одеялом из верблюжьей шерсти. Засунутая в карман пальто книга о моих родителях напомнила о себе, уткнувшись мне в бок. Родители были так возмущены большей частью того, что написал о них репортер по имени Сэм Хикин, что мне запретили ее читать. Но я в конце концов сообразила, что говорила сестра перед тем, как уйти из дома, и несколько дней назад вытащила книгу из антикварного шкафа, стоявшего в гостиной. Однако до сих пор мне хватило смелости прочесть только их имена на красной обложке: «Необычная профессия Сильвестра и Роуз Мейсон».

— Не понимаю, что они так долго? — сказала мама, скорее обращаясь к самой себе, чем ко мне.

Легкий намек на акцент, оставшийся с детства, проведенного в Теннесси, всегда появлялся, когда она начинала нервничать.

Может быть, напевный акцент или книга, не знаю, но что-то заставило меня спросить:

— Тебе когда-нибудь бывает страшно?

Мама на секунду оглянулась на меня и снова стала смотреть вперед, в ветровое стекло, включив дворники.

Ее глаза, блестящие и зеленые, искали отца. С тех пор как он вышел из машины, прошло минут двадцать или даже больше. Мама убавила температуру печки, и в машине быстро становилось холодно.

— Конечно, Сильви. Мы все иногда пугаемся. Чего ты боишься?

Я не хотела ей говорить, что меня напугали их имена на обложке книги. И что сейчас, когда пыталась понять, что так задержало отца и сестру, я испытывала неприятное чувство, похожее на ужас. Вместо этого я рассказала ей о мелких, глупых страхах — именно то, что она хотела услышать.

— Я боюсь получить за экзамены не самые высокие оценки. Ведь тогда я уже не буду самой умной в классе. Еще — что учитель физкультуры передумает и откажется дать мне постоянный пропуск в библиотеку и мне придется играть во флаг-футбол¹ или в баскетбол.

Мама мягко рассмеялась в ответ.

— Ну, это действительно звучит ужасно, Сильви, хотя лично я думаю, что тебе бояться нечего. Но в следующий раз, когда тебе станет страшно, читай молитву. Я всегда так поступаю. И ты делай так же.

По улице проехала снегоуборочная машина, и желтые фонари осветили снег, засыпавший заднее окно. Я почему-то вспомнила, как мы с Роуз, когда были маленькими, завешивали одеялами стулья в гостиной и прятались внутри с фонариками.

— Знаешь что? — проговорила мама. — Я немного беспокоюсь. Пожалуй, я тоже схожу туда.

— Прошло совсем мало времени, — возразила я.

На самом деле времени прошло много, но мне не хотелось оставаться одной. Впрочем, она уже расстегнула ремень безопасности и приоткрыла дверь. Внутри тут же ворвался порыв холодного воздуха, и я сразу замерзла в своей пижаме и пальто.

---

¹ Разновидность американского футбола.

— Я скоро вернусь, Сильви. А ты закрой глаза и попытайся немного поспать.

После того как она выбралась наружу, я потянулась вперед и включила дворники, чтобы ее видеть. Оставшись в полном одиночестве, под шорох падающего мокрого снега, я наконец решилась раскрыть книгу. Читать в темноте было трудно, хотя я могла включить внутри свет. Я нашла раздел с фотографиями, разделявший текст на две части. От одного снимка, мутного изображения деревенской кухни, у меня перехватило дыхание: стулья и стол перевернуты, окошко над раковиной разбито, тостер, чайник и кофейник валяются на полу, стены перепачканы чем-то похожим на кровь.

Одной фотографии мне хватило, чтобы захлопнуть книгу и уронить ее на пол. Я довольно долго ничего не делала, только смотрела на церковь и вспоминала, как искажались лица отца и сестры, когда они ссорились, и вскоре становились похожи на морды деревянных лошадей на моей полке. Прошло пять, десять, пятнадцать минут, но никто так и не появился из церкви. В конце концов я устала и снова легла. Ощущение, будто я нахожусь в теплом коконе, снова напомнило мне палатки, которые мы с Роуз устраивали из одеял. Иногда сестре удавалось уговорить маму, и она разрешала нам остаться так на ночь, хотя к утру одеяла всегда падали. Я засыпала, представляя бескрайнее звездное небо, а когда просыпалась, оказывалось, что все одеяла свалились, наша палатка рухнула, а над головой у меня белый потолок.

Это было последнее, о чем я подумала, когда погрузилась в сон на заднем сиденье машины.

За всю свою жизнь до той ночи я не слышала столь жуткого и незабываемого звука. Я мгновенно проснулась и села. В машине стало холодно, и все окна, кроме ветрового стекла, покрывал толстый слой снега. Церковь казалась мирной и сонной, окутанной снежным сугробом, и я подумала, что мне, наверное, приснился тот ужасный звук под впечатлением от картинок из кни-

ги. Но я ошиблась, потому что услышала его снова, и на этот раз он был более яростным и таким громким, что казалось, будто он вибрирует у меня в груди, заставляя сердце биться быстрее. В следующее мгновение я поняла, что у меня дрожат руки.

Не знаю почему, но первым делом я потянулась вперед и заглушила двигатель машины, дворники тут же замерли посередине стекла. Если не считать ветра и шороха веток, вокруг царила мертвая тишина, когда я открыла дверцу машины и выбралась наружу. Я не сообразила выключить фары, и они освещали следы на снегу — первые уже почти совсем скрылись под снегом. Я отошла от машины, спрашивая себя, как долго спала.

В следующий раз, когда тебе станет страшно, читай молитву...

Я попыталась. Действительно пыталась, но была так напугана, что в голове у меня перепутались все молитвы, и в результате я бормотала какую-то новую, объединенную версию всех, что знала. «Отче наш, иже еси на небесех, верую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, распятого, и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день по Писаниям... Во веки веков. Аминь. Аминь. Ами...»

У основания бетонных ступенек я замолчала и долго прислушивалась, пытаюсь уловить хоть какой-то намек на присутствие людей внутри, но ничего не услышала.

В ПОДВАЛЕ

Как ты опишешь себя сейчас?

Арнольд Бошофф задавал кучу всевозможных вопросов всякий раз, когда мы с ним встречались в его кабинете без окон, украшенном плакатами «Скажи нет!», но к этому возвращался постоянно. Бошофф растянул сло-

во «сейчас», положив руки с переплетенными пальцами на живот, похожий на огромную гору. Я, как всегда, посмотрела на его пухлое лицо с водянистыми голубыми глазами и дала очевидный ответ. У меня отличные оценки, и я лучшая в классе. У меня бледная кожа и карие глаза. Иногда я сообщала ему, что мне представляется, будто у меня слишком большая голова, а пальцы и ноги чересчур маленькие. Я выдавала эти детали прежде, чем перейти к более незначительным, например крошечным веснушкам на внутренней стороне правого запястья. Отец называл их «поцелуй Бога». Стоит подставить руки ветру, и они улетят прочь. Когда я заговорила о том, как соединяю маркером веснушки так, чтобы они превратились в треугольник, Бошофф расплел пальцы и перешел к новой теме.

— Я кое-что для тебя приготовил, Сильви, — сказал он после того, как мы холодным октябрьским днем подошли к концу привычной рутины, выдвинул ящик стола и достал оттуда подарок, завернутый в подарочную бумагу в горошек.

— Что это? — спросила я, когда он вложил сверток мне в руки.

— Открой — и узнаешь, Сильви. Так принято. Когда речь идет о подарках.

Бошофф улыбнулся и пощелкал леденцом от кашля, который перекачивал во рту. Если судить по мятым джемперам и брюкам цвета хаки, сплошь в пятнах, он был не самым опрятным человеком. Однако ему удалось каким-то непостижимым образом аккуратно завернуть подарок. Я осторожно сняла бумагу и обнаружила внутри дневник с миниатюрным замочком и ключиком.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как кому-то приходило в голову сделать мне подарок, и я не знала, что сказать. Наконец я с трудом проговорила:

— Спасибо.

— Не за что.